

АНАСТАСИЯ КОЛЕСИНСКАЯ

ЧЕРНИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

и девочка с большим шарфом

Анастасия Колесинская Чернильный Человек и Девочка с Большим Шарфом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41257502

ISBN 9785449630766

Аннотация

Если вы спросите меня о чём эта история, то я отвечу, что она о любви, взрослении, поиске себя и Чернильном Человеке. Потому что в каждой уважающей себя книжке есть любовь, взросление, потерянный я и люди из бумаги и чернил.

Содержание

Прежде, чем начать	6
Начало	7
1. Осень	9
Держи лицо в руках	9
О шкуре непойманной любви	10
Опережая время	11
Красивые слова	12
Капля в море	14
Сосед с Высокого Маяка	15
Грибы и лишайники	17
Дневник Иноземного Учёного (том 4, запись 4)	18
Что кому по вкусу	19
Световое загрязнение	20
О пении	22
Щекотливая ситуация	23
Вверх и вниз	24
Оставаться чистым	26
Мир во всём мире	27
Облака на чердаке	28
2. Зима	29
О цвете мыслей (начало)	29
Закатность	31

Вместе со временем	32
Лишнее прощение	34
Обычная глухота	35
Преподнесение принятия	37
Чувство нити	38
Записи Девочки с Большим Шарфом	39
Про взбитие	40
Дневник Иноземного Учёного (том 4, запись 51)	41
Закапывание	42
Другая скатерть	43
Подарки на Солнцеворот	45
Бритва в подарок	46
Трава за забором	47
Всё проще, чем кажется	48
Рецепт	49
Об идеальном (Девочка с Большим Шарфом)	50
Дневник Иноземного Учёного (том 4, запись 68)	51
Что делать с усталостью	52
Про нонконформизм	54
Различные проявления различного	56
Наблюдения Иноземного Учёного (том 9, запись 116)	57
Сторона для просмотра	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Чернильный Человек и Девочка с Большим Шарфом

Анастасия Колесинская

*Эта история посвящается двоим: Чернильному
Человеку, благодаря которому я её начала,
и Иноземному Учёному, благодаря которому
закончила.*

Редактор Иван Пономарёв

Редактор Любовь Бердюгина

Иллюстратор Анастасия Телегина

Корректор Андрей Домогашев

© Анастасия Колесинская, 2019

© Анастасия Телегина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3076-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прежде, чем начать

Если вы спросите меня, о чем эта история, то я отвечу, что она о любви, взрослении, поиске себя и Чернильном Человеке. Потому что в каждой уважающей себя книжке есть любовь, взросление, потерянный я и люди из бумаги и чернил.

Начало

Мы жили в доме на самой границе между Лесом и скалистым пляжем, который хрестоматийными пенными волнами обнимало Море. «Хрестоматийными» волны были потому, что в книжках частенько говорят, что они кого-то там обнимают, а «пенными» – потому что такими их придумал Звездный Архитектор. А кто я такая, чтобы с ним спорить?

Но не будем отвлекаться от дома.

Много лет назад его построил мой отец. Построил и бросил, как порой бросают надоевшую идею или старую мечту, признанную не слишком привлекательной. В том возрасте ему нравилось бросать разные вещи, вроде взглядов, вызовов или костей. Позднее выяснилось, что эта привычка была у него возрастной и выпала, как молочные зубы.

И вот однажды отец вспомнил о построенном когда-то и вернулся туда со мной, чемоданами, потрепанной Поваренной Книгой и намерением (которое есть у всех на свете родителей) научить меня выбирать хорошие вещи и не выбирать плохие.

К великому (и знакомому всем на свете родителям) огорчению отца, я так и не научилась делить мир на плохое и хорошее: просто не поняла, что у мира частное и где делитель. Казалось бы, табличка «частная собственность» на наших воротах должна была немного помочь, но...

Эх. Это уже не важно.

Сейчас в Доме на Границе живём:

– Я;

– Девочка с Большим Шарфом, которая всё понимает буквально;

– Чернильный Человек, который унывает чаще, чем вынывает;

– Поваренная Книга и...

...И ещё кое-кто. Но про него в самом конце, ладно? «В конце чего?», – могли бы спросить вы, но раз держите в руках книжку, верно, догадываетесь.

И раз уж вы догадались, зачем все мы собрались на этих страницах, я расскажу, о чём будет эта книга. В ней спрятано несколько историй из нашей жизни: всё, что случилось за один год. В них нет особенного смысла, зато есть обычный.

Итак, добро пожаловать в Дом на Границе.

Ноги не вытирайте: там, где вы сейчас находитесь, это может быть не очень удобно.

1. Осень

Держи лицо в руках

Я уронила жемчужную бусинку, а Чернильный Человек поднял ее. Дело происходило на городской ярмарке, вокруг было множество людей. Стоило мне выпустить бусинку, как чьи-то тонкие, в грифельной пудре, пальцы подали мне ее, положили на ладонь.

Тогда я стала ронять разные вещи в разных местах. Чернильный Человек подбирал их каждый раз, даже в те моменты, когда его не было рядом.

Однажды, привыкнув к этой игре, я уронила лицо. Искать его на асфальте пришлось самостоятельно, а чтобы надеть обратно потребовалось немало времени. Ко всему прочему, лицо дало трещину, и когда нашлось, в ней скопилось немало уличной мути.

О шкуре непойманной любви

Осенью Чернильный Человек и Девочка с Большим Шарфом любили сидеть на краешке моста, кидать в серую воду гальку, болтать ногами и говорить о том, как могла бы измениться их жизнь, если бы они не сидели на краешке моста, а искали точку опоры и двигали Землю.

– Когда вырасту, я бы хотела выйти замуж за Батискаф, – в один из таких дней сказала Девочка с Большим Шарфом, и Чернильный Человек нахмурился, с подозрением ожидая продолжения.

– У него идеальная фигура, а для взрослых это имеет значение. Что может быть идеальнее шара? А ещё он выдерживает очень большое давление, а значит все мои обиды ему нипочём. Он видит самых разных рыбок и потерянные корабли, и русалки машут ему хвостами.

– Думаю, Алмаз может выдержать давление и сильнее, – заметил Чернильный Человек. – А ещё он блестящий.

– Бернар Грассе сказал, что любить – это значит перестать сравнивать, – пожала плечами Девочка с Большим Шарфом.

Опережая время

– Что ты читаешь? – спросила меня Девочка с Большим Шарфом, усаживаясь рядом на широком и мягком диване, бескрайнем, как субботнее утро.

– Книгу о женщине, которая опередила своё время, – ответила я и лениво перевернула страницу.

– А-а-а... жаль её, – потянула Девочка с Большим Шарфом, закидывая ножки на спинку дивана и свешиваясь к полу, взирая на мир совершенно под другим углом: – если она опередила своё время, то, конечно же, умрёт раньше срока.

Красивые слова

– Скажи, ты всё ещё любишь красивые слова? Как прежде?

Чернильный Человек запуская в белый бумажный воздух клубы карандашной пыли, которые мановением его воли превращались в города, медуз, героев, богов и дожди. Я встала за его плечо и тяжело вздохнула, привлекая к себе внимание.

– Ты хочешь красивых слов?

– Да. Я скучаю по вечерам, когда мы говорили их друг другу.

Что может быть важнее, чем выпустить на волю застрявшие у тебя в мыслях города, медуз, героев, богов и дожди? Когда этот воображаемый мир щекошет изнутри душу, ты ничем другим и заниматься не можешь: необходимость их рождения похожа на желание чихнуть. Чернильный Человек был очень, очень занят, я знаю, однако нехотя он сел прямо напротив меня и кивнул головой:

– Начинай.

– Се-ми-сот-три-дцати-трёх-мет-ро-вый, – послушно протянула я.

– Не очень красивое, – отрезал Чернильный Человек, – просто длинное. Сколопендра.

– Не дурно. Благоедеяние... ну, или Филантропия.

– Котейконенавистничество.

Чернильный Человек был необыкновенно хорош в красивых словах, смысл же их никого из нас тогда не беспокоил.

Капля в море

– Отчего же ты плачешь? – спросил Чернильный Человек, стоя рядом со мной на утёсе. Под нашими ногами бушевало море, свинцовое небо захлёбывалось в волнах. Единственная слеза сорвалась с моей щеки вниз, к шумной пропасти, когда я улыбнулась.

Последнее время было тяжело. Беды и хлопоты, дела и приключения долгие дни были затянуты, как шнурки, а теперь, закончив их, я распустилась и чуть не упала. Как по-детски и глупо! Солёная точка скатилась вниз, потерялась в клубках пены, и мой смех запутался в ветре.

– Плачу, – весело посмотрела я на него. – О чём ты? Это лишь капля в море.

Сосед с Высокого Маяка

Нашим соседом был Иноземный Учёный, личность с загадочным происхождением и не менее загадочными нравами. По понедельникам этот чудак носил китайский халат, по средам – головной убор индейских вождей со множеством перьев, по воскресеньям – цилиндр и фрак, а по праздничным дням – женское сари прямым из Индии.

Жил Иноземный Учёный в Высоком Маяке, и, полагаю, очень радовался, что забрался так высоко. Чернильный Человек думал, что выбор Иноземного Учёного пал именно на это место, потому что тот слышал, будто все загадочные хранители тайн селятся в башнях.

Однажды в гости к Иноземному Учёному пришла Девочка с Большим Шарфом.

– Я хочу купить знание о чём-нибудь удивительном, – заявила она с порога, – и могу честно заплатить за него карамелью.

Иноземный Учёный не растерялся.

– Скорость света в вакууме выше, чем скорость света в материи, – с готовностью сообщил он, и тут же получил конфетку, которую быстро засунул в рот.

– А ещё?

– У акулы две пары век, одна из которых – прозрачная, – не задумываясь, продолжил он, с набитым ртом и, получив

свою плату, положил карамельку за вторую щеку, – ну а боязнь северного сияния называется «аурорафобия». К слову...

– П-п-погоди! У меня больше нет с собой сладостей, – замотала руками Девочка с Большим Шарфом.

– К слову, где-то сорок один процент Луны никогда не виден с Земли, – продолжил Иноземный Ученый, как ни в чем не бывало.

Рассказывать интересные истории он любил даже больше, чем карамель.

Грибы и лишайники

Девочка с Большим Шарфом любила узнавать о Мире новое. Вся её комната была завешана вырезками из газет, на столах, подоконниках и шкафах этажились энциклопедии, цитаты Великих Людей лоскутами истины собирались на стенах, плавно переползая на потолок.

Особенным удовольствием для Девочки с Большим Шарфом было сделать из беспорядочных своих записей какой-нибудь особенно неожиданный вывод. И чем больше он шокировал окружающих, тем больше веса имел в глазах Девочки с Большим Шарфом.

– Я думаю, что объявления – это такая таинственная разновидность лишайника или мха, – заявила она как-то Иноземному Учёному. – Ну же, подумай сам! Объявления растут как будто бы кустами, если где-то появилось хотя бы одно, там скоро вырастет целая колония, они не любят солнечного света, предпочитают укрытие информационных стоек и остановок, и неприхотливы, как сорняки.

Поразмыслив, Иноземный Учёный пришел к выводу, что любая научная теория требует подтверждения.

– Что же, – сказал он, – нужно непременно проверить, растут ли объявления только с северной стороны. Пошли?

Дневник Иноземного Учёного (том 4, запись 4)

Из записей Иноземного Ученого о мире:

«...И она всё ещё уверена, что в её легких живет маленькая и вредная золотая рыбка. Я склонен согласиться: как же иначе объяснить её нелюбовь к тем, кто курит?

Полагаю, что каждый раз, когда она вдыхает табачный дым, рыбка начинает недовольно перебирать крошечными плавниками и щекочет изнутри её альвеолы.

Может быть, у всех людей есть такая? Может, и у курильщиков была? Если так, то сейчас она копчёная и злая (говоря просторечиво – настоящая вобла), и грызёт их лёгкие изнутри. Думаю, эта теория объясняет рак лёгких куда лучше, чем многие иные. Нужно продолжать исследования в этом направлении».

Что кому по вкусу

Однажды Чернильный Человек подумал, как же редко он делает то, что действительно хочет. Целыми днями он искал сквозняки минора в развалинах домов своей памяти, читал мёртвые слова нараспев, и, опустив голову, пытался разглядеть в лужах своё будущее.

– Если ты не хочешь унывать, – резонно рассудил Иноземный Учёный, – почему бы просто не заняться чем-то другим? Тем, что нравится.

– Я просто не знаю, что именно мне нравится, – прошуршал Чернильный Человек, внутренне сокрушаясь своей откровенности.

– Тогда попробуй всё подряд. Методом перебора ты рано или поздно обнаружишь то, что тебе по вкусу, – авторитетно заключил Иноземный Учёный.

И Чернильный Человек попробовал спать в болотной воде, ловить звуки детских кошмаров в треснувшие на морозе вазы, каждый день изобретать по одному новому ругательству, которое можно с треском обрушить на свою голову, после чего, также ежедневно, обильно и прилюдно посыпать её пеплом.

Иноземному Учёному стоило выразаться конкретнее.

Световое загрязнение

Иногда мы с Девочкой с Большим Шарфом занимались просветительской деятельностью: рассказывали, как хорошо было бы собраться всем, зажечь свечи и посидеть при живом сиянии.

В такие дни мы все стягивались вместе, как края зашитой дыры. Чаще всего – на чердаке. Смотрели на картины Ле-са и Моря за маленькими круглыми окнами и картины Чернильного Человека за большими квадратными рамами. Иногда к нам приходили люди из города: посмотреть на свечи и рассказать как дела. Я всем была рада.

Один раз, когда в кастрюлях Поваренной Книги с воском и наших головах с делом как раз готовилось такое вот свечесветительное зажигательное мероприятие, Чернильный Человек заметил, что у калитки мнётся незваный гость – высокий демон с длинным, как плеть, острым хвостом. Чернильный Человек, который, впрочем, уже видел этого демона несколько раз, вздохнув, вышел на улицу.

– Здравствуйте, – сказал Демон Максвелла, а это был именно он, – я наслышан о ваших богемных семейных художественных салонах. Если вы позволите, я бы хотел осветить это мероприятие в прессе.

– Мне больше нравится, когда наш вечер освещается дома, а не под прессом, – ответил на это Чернильный Человек.

Думаю, ему просто не хотелось, чтобы за наш светлый порог ступали тёмные люди.

В тот раз мы так и не познакомились.

О пении

Когда никто не слышит, я пою. Пою среди светлых лесных тропинок, где мой голос вплетается в ветви деревьев. Ранним утром, когда рассвет купается в волнах, пою на пристани, и песня тонет в розовых бликах. Летними вечерами, пока никто ещё не вернулся домой, я пою на крыльце, доделывая домашнюю работу, и ноты падают в щели между досками.

Я могла бы петь в самой тёмной чаще лесной. На песчаном берегу под обрывом, меж острых клыков скал, где столкновение камней и воды заглушило бы мой голос. В тёмном подвале, сидя на бочке гнилостного сидра.

На самом деле мне не хочется, чтобы мой голос забирала тишина. Я хочу быть услышанной!

Но проблема наблюдаемой реальности непреклонна: вместе со звуком падающего в глухой чаще дерева я опускаюсь в глухое одиночество.

Щекотливая ситуация

Я молчала. Чернильный Человек молчал. Кристаллики люстры над нами не шевелились, будто замерев от смеси возмущения и скуки. Ситуация начинала становится щекотливой.

– Ну же, ну! – я громко возмутилась, тут же начав ещё интенсивнее елозить пальцами по его рёбрам. – Улыбнись хотя бы! Совсем не смеяться, когда тебя щекочут – это очень жестоко и совсем не вежливо! К тому же, я могу надавить на тебя и сильнее.

– И не подумаю, – равнодушно ответил Чернильный Человек, неспешно оставляя на холсте равномерные мазки, – потому что думаю я только то, что хочу. Думать же проще, чем делать.

Чернильный Человек никому не позволял насильственно влиять на своё настроение, даже если его пытались заставить улыбнуться. И в этом он был, конечно же, прав.

Вверх и вниз

Нет ничего хуже, чем качаться на качелях под дождём поздней осенью. На промозглом ветру, в волглой одежде, навстречу холодным каплям. Хотя в прохладный день подобные развлечения неприятны вне зависимости от времени года. Именно поэтому как раз в такую погоду Чернильный Человек и я частенько вешали качели на мощных ветвях садовых деревьев.

– Жизнь – это череда разочарований и боли, – бормотал Чернильный Человек, падая вверх.

– А ведь мы могли остаться дома, – отвечала я, поднимаясь к небу.

– И какая всё же сегодня гадкая погода, – добавлял он, взмывая вниз, и пелена его негодования потихоньку начинала заволакивать двор.

– Но тогда бы нам совершенно не о чем было бы поговорить, – замечала на это я.

А потом выглядывало солнце, и мы отправлялись домой, как всегда не закончив разговор. Мы начинали его частенько, обычно поначалу друг друга не слушая, и каждый раз, стоило нам подойти к моменту, когда до понимания оставалось несколько взмахов, дождь заканчивался. Необходимость разговора пропадала, и он откладывался. До следующего дождя.

Что ждало нас там, в конце этой беседы? Неизвестно. Но мне почему-то кажется, что если бы мы закончили её вопреки обманчивому тёплому свету, нам не приходилось бы мокнуть так часто.

Оставаться чистым

В чугунной ванной, доверху наполненной грязной водой, величественно восседал Иноземный Учёный. Он весь продрог, его одежда была не только мокрой, но и изрядно перепачканной. Однако Иноземного Учёного это и вовсе не волновало: гордо расправивший плечи, будто молодой Архимед, он замер на пороге истины. Рядом возвышался Чернильный Человек, который задумчиво поливал Иноземного Учёного тушью. Вид оба имели весьма сосредоточенный.

Немаловажно отметить, что дело происходило в нашем саду, поздней осенью, под большой старой ивой, которая, как казалось, была весьма обескуражена происходящим.

– О, Звёздный Архитектор! – я глубоко вздохнула. – Кто надоумил вас на это?

– В книге Фридриха Ницше «Как говорит Заратустра» написано, что тот, кто хочет остаться чистым, должен уметь мыться и грязной водой, – значимо заявила Девочка с Большим Шарфом, укрывшаяся в ветвях, как обезьянка. Всё разом встало на свои места.

Мир во всём мире

– У тебя сегодня много работы? – спросила я Звёздного Архитектора, пока тот, разложив чертежи на крышке рояля в гостиной, сосредоточенно вглядывался в вязь линий. – Просто... ну...

– У тебя какая-то просьба? – ответил он вопросом на вопрос, продолжая клониться к переплетениям вселенского механизма, план которого был распластан на ватмане.

– Вообще-то сначала я собиралась поблагодарить тебя за то, что со мной и со всеми остальными всё хорошо, – призналась я, – при учёте того, как часто мы совершаем безумные отчаянности и отчаянные умности, вряд ли это чистое совпадение.

– Спасибо, – ответил Звёздный Архитектор, доставая из сосредоточия Осени лупу, – мне приятно это слышать. Однако что-то тебя всё же беспокоит, верно?

– Мне бы очень хотелось, чтобы во всем мире наступил Мир, – честно и просто сообщила я, – если это, конечно, не слишком тебя затруднит.

– Именно над этим я сейчас и работаю, – заверил меня Звёздный Архитектор. – Как и всегда.

Когда через мгновение в гостиную вошла Девочка с Большим Шарфом, она не увидела никого, кроме меня.

Облака на чердаке

Мы с Чернильным Человеком лежали на сухопыльном чердачном полу и рассматривали облака, белильными призраками проступающие в полумраке. Старая грампластинка на колесе патефона помогала вновь звучать голосам давно ушедших людей, удары капель по крыше вторили скрипу вины.

– Вон то похоже на пухлого зимнего зайца, – сказала я, ткнув пальцем в облако.

– А вон то, – эхом откликнулся Чернильный Человек, – на поэзию Бодлера или грибницу поганок.

– Всё-таки ты молодец, что нарисовал и приклеил их к потолку, – похвалила я его, привставая, чтобы хлебнуть горячей иронии. – Оставаться дома, когда все остальные идут на прогулку – это не самая плохая идея. Погода переменчива, бумага вечна.

Я ошибалась, но сейчас это не имело никакого значения. Ведь хотя Чернильный Человек не улыбнулся, я знала, что он польщён, а это стоило тысячи погрешностей.

Последний осенний ливень усиливался.

2. Зима

О цвете мыслей (начало)

– Я хочу быть Северным Оленем, – заявила Девочка с Большим Шарфом в первый день Зимы, – у них в зависимости от времени года меняется цвет глаз.

– Ну, вся людская одежда разных цветов, и она тоже меняется, – отметила я, – причем не только окрасом.

Зимой люди обрастают пуховыми куртками и пледами, а летом сбрасывают их, будто подражая деревьям, только наоборот.

– Ты судишь о внешнем, – назидательно улыбнулась Девочка с Большим Шарфом, – Антуан де Сент-Экзюпери предупреждал меня, что со взрослыми так бывает.

– Глаза тоже снаружи, – слегка обиделась я.

– Но они связаны с внутренним миром больше, чем вязаный свитер, – заупрямилась в ответ Девочка с Большим Шарфом.

Возразить мне было нечего. Мы помолчали.

– Что же, давай договоримся так, – протянула я спасительную соломинку, – я постараюсь меньше думать о внешних проявлениях людской переменчивости, а ты попытаешься изменить цвет своих мыслей.

И то и другое было очень трудной задачей, но к Весне мы справились.

Закатность

На некоторых людей иногда находит Озарение, а у меня, честно говоря, сплошное Озакатывание в последнее время. Прямо чувствую, как мысль закатывается в банку, ставится в подвал, да и остаётся там на долго-долго-долго. Но тогда хотя бы ясно, что когда-нибудь её можно будет вынуть.

Это как с мячиком: закатывается под диван и уже не достать без длиннорукого взрослого, швабры или других вспомогательных средств. Хорошо, что иногда шоколадка и дружеский разговор помогают вернуть мысль на место.

А ещё похожим образом ведёт себя скандал.

Закатился, а как укатить его на место вообще непонятно.

Вместе со временем

– Мы собираемся провести мысленный опыт с маленьким фарфоровым чайником, – радостно сообщила Девочка с Большим Шарфом, вбегая в мастерскую Чернильного Человека. – Ты с нами?

Под «нами» она подразумевала себя, Иноземного Учёного и Поваренную Книгу, которая всегда ревностно следила за любыми кухонными экспериментами.

– Извини, – флегматично ответил Чернильный Человек, – я занят. Сегодня совсем нет времени.

Он медленно запаковывал деревянные дыбы рам с распятыми на них холстами в грубую коричневую бумагу.

– Время есть! – тут же вспыхнула Девочка с Большим Шарфом, – и сегодня, и... ну... вообще. И всегда будет. А если вдруг время кончится, то мы этого даже не заметим, потому что просто замрём! Так что побежали скорее, думать о посуде и Марсе правда интереснее, чем убираться.

– Время, может, и будет всегда, – вяло ответил Чернильный Человек и принялся разматывать рулон с грязной, неаккуратной ватой, – но у сегодня оно определённо кончится. Как и у меня.

После этого он скорбно замолчал, но Девочка с Большим Шарфом представила, что ему в этот момент подумалось. «Будет очень обидно, если моё время кончится раньше, чем

кончится моя жизнь», – прозвучал в её голове буднично-скупающий голос Чернильного Человека, однако никто и никогда не ответит, угадала ли она его мысли.

Проплывая вокруг марсианской орбиты, Звёздный Архитектор коротко сделал в блокноте пару пометок, после чего привычно непостижимо превратил воду в чай посредством заливания кипятком высушенных листьев.

Лишнее прощение

Река, в которую Чернильный Человек и Девочка с Большим Шарфом любили бросать камушки сидя на мосту, замёрзла. Её лёд родился неровным, мутным и шишковатым уродцем, но мы, оставаясь твердолобыми приверженцами традиций, которые сами себе и выдумывали, всё равно решили покататься на коньках именно здесь. Спотыкаясь. Падая. Ударяя колени. Весело смеясь.

Разогнавшись, Девочка с Большим Шарфом запнулась о ледяную кочку и, запищав как птенец, въехала прямо в меня, подспудно окатив остывающим в полёте какао.

– Извини, – замахала она руками-крылышками, – это совсем случайно вышло!

– Ну, – я промокнула носовым платком сладкие капли, и вздохнула, – если не считать того, что тебя и раньше прощали не кататься с чашкой в руках, ты не виновата. Так что и прощать не за что.

– В таком случае, – неожиданно твёрдо заключила Девочка с Большим Шарфом, – раз у тебя всё равно есть лишнее прощение, прости не меня.

Она имела ввиду Чернильного Человека, но для него у меня не нашлось лишнего прощения.

Обычная глухота

Однажды, Чернильный Человек и Девочка с Большим Шарфом играли на Рояле. Девочка с Большим Шарфом играла в музыканта, беспорядочно нажимая на все клавиши, которые казались ей добрыми, а Чернильный Человек – в шахматы.

– Мне кажется, те звуки, которые ты издаёшь, не очень похожи на музыку, – сказал Чернильный Человек, делая вид, что он – чёрный слон.

– Я слышала, что музыка – это крик души, – ответила Девочка с Большим Шарфом и резко ударила по белым клавишам локтями, – вот рояль и кричит. К тому же, возможно, у тебя просто нет слуха.

– Скоро его ни у кого в окрестностях не будет, – теперь Чернильный Человек изображал ладью, и потому собирался идти по-прямой. – Прекрати это безобразие, кроха.

Но Девочка с Большим Шарфом осталась глуха к его словам. Возможно, как Бетховен. Возможно, как Морская Звезда. Возможно, как глухомань. Иногда совсем не важно кому ты подобен в своих мечтах и мыслях – окружающие всё равно будут судить тебя по собственным критериям.

Порой, к слову, объективным, как дерево упавшее в пустом лесу и не услышанное, как и моё пение.

Быть может, методы Девочки с Большим Шарфом не так

уж и плохи?

В конце-концов, если люди не захотят, они всё равно не услышат вас, как бы громко вы ни кричали.

Преподнесение принятия

– А почему на Солнцеворот мы дарим друг другу подарки? – спросила Девочка с Большим Шарфом из-за закрытой двери, не предпринимая никаких попыток выяснить, чем же я занимаюсь, запершись одна.

– Потому что так принято, – ответила я, порадовавшись неожиданному отсутствию её любопытства и продолжила заворачивать белоснежную *tabula rasa* в чёрные листы копирки, – к слову, как раз сейчас я готовлю кое-что для тебя.

– Принято? Очень неинтересно. Кто так решил? Кем принято?

– Ну если ты примешь это, значит – тобой.

Вообще-то я имела в виду свой подарок, а не условности, но есть ли разница, когда мы говорим о детях?

ЧУВСТВО НИТИ

– Кажется, я потеряла нить разговора, – сонно пробормотал я, рассеянно глядя на Иноземного Учёного и Девочку с Большим Шарфом, в рассветных лучах оживлённо обсуждающих теорию Невероятностей.

Всю ночь они пытались убедить меня помириться с Чернильным Человеком, но, как это часто бывает с увлечёнными чем-то своим людьми, в конечном итоге перешли на беседы, интересные и понятные только им.

– Поищи там, где у понимающих людей лежит сочувствие, – язвительно хмыкнула Девочка с Большим Шарфом. В последнее время она очень старательно работала над переменной цвета своих мыслей.

Но я уже клевала носом утренние минутки, и потому не стала объяснять ей, что некоторые нити не просто теряются, а ещё и рвутся.

Записи Девочки с Большим Шарфом

Из Записей Девочки с Большим Шарфом о Мире:

Сегодня я решила поставить увлекательнейший эксперимент. Дело в том, что существует бездумно принятая обществом теория: мол если подколоть или уколоть человека, он надуется. Парадоксально, не так ли? Ведь доподлинно известно, что в вещественном мире происходит ровно наоборот. С воздушными шариками так точно.

В качестве эксперимента я взяла отличную иглу для вышивания и аккуратненько, с точностью исследователя, ткнула ей в одного крайне мрачного Испытуемого, который в момент проведения эксперимента как раз спал, развалившись на диване напротив рояля.

И знаете, что он сказал мне? «Моё терпение лопнуло»!

Что и следовало доказать. Пф. Всё врут. Как говорил Петроний Арбитр Гай: «Змея верёвки не родит». Хе-хе.

Кстати. Пойду-ка проверю...

Про взбитие

– А ведь детстве вы подавали такие надежды, Барышня! Но увы, мои мечты о вашем кулинарном воспитании разбились, – прошуршала Поваренная Книга с глубокой печалью в страницах. Ей явно не нравилось то, что я творила с рецептом и венчиком.

– Они не разбились, а взбились: с мечтами, как и с яйцами, такое частенько случается. Нужно только приложить ещё чуть больше усилий, – заверила я старое ворчливое издание и не обманула: суфле вышло отличное. Так что и у мечтаний, и у белков всё сложилось вполне неплохо.

Дневник Иноземного Учёного (том 4, запись 51)

Из дневниковых записей Иноземного Ученого:

«Я не врач, и в медицине слаб так же, как в выражении вслух своих мыслей, однако, кажется, моя близкая подруга серьёзно больна.

Всё чаще можно заметить плотные тёмные образования над её головой. Пациентку регулярно мучают апатия и сонливость. Мысли моей несчастной подруги постоянно путаются, она стала реже бывать на солнце и всё больше отказывается от встреч.

Если недуг внезапно обостряется и случается рецидив, её фразы покрываются мелкими язвительностями, которые могут быть опасны для окружающих. Это беспокоит.

Я уже имел печальный опыт наблюдения человека в таком состоянии, и потому крайне переживаю, что болезнь малышки перейдёт в хроническую стадию.

Скорее всего, у неё мрак взглядов. Надеюсь – доброкачественный».

Закапывание

Во время снегопадов Иноземный Учёный обычно совершенно закапывался в делах: работал много и не вставая, продуктивно и скрупулёзно. Пока белые пушистые стаи летели к земле, он складывал числа, перекладывал папки, выкладывал на пол закованные в собственный вес мануалы и прокладывал себе путь к истине, вкладывая в небесную сферу известного искорки своего учения.

Случалось правда, что снегопады оказывали на Иноземного Учёного и иное влияние: он закапывался в себе. Ему было неловко за некоторые события своего прошлого, но вместо того, чтобы оставить их, Иноземный Учёный вновь и вновь перекручивал в воспоминаниях моменты неудач, неловкостей или нерасторопностей.

Как бы то ни было, рано или поздно снег переставал идти, и тогда мы с Чернильным Человеком и Девочкой с Большим Шарфом одевались потеплее, брали лопаты и откапывали дверь Маяка, в котором жил Иноземный Учёный. Открыть её изнутри самому при такой закопанности в продуктах интеллектуальной жизнедеятельности не представлялось возможным.

Другая скатерть

– Что вы читаете, Барышня? – спросила меня Поваренная Книга одним золотистым зимним предвечером.

– Читаю журнал, который мне принёс наш сосед. Про Популярную Науку. Сейчас, например, открыла статью про Скатерть Улама.

– Правда? – теперь в голосе моей собеседницы слышалась шепотка заинтересованности. – И что она, эта скатерть?

– Ну... Один математик нарисовал на листочке в клеточку единицу. А потом двойку, тройку и всякие другие числа по порядку, двигаясь словно бы квадратной спиралью. А потом вдруг оказалось, что простые числа выстраиваются вдоль диагональных прямых, ровненько. Хотя специально их никто не выстраивал. По-моему, очень любопытно.

– А мне кажется, приличным скатертям не пристало заниматься подобными вещами, – подумав, сказала Поваренная Книга и всем своим видом показала неудовольствие поведением скатерти Улама.

Я подошла к ней и взяла на руки, чтобы как-то утешить, но Поваренная Книга так удобно развалилась на столе, вяло демонстрируя мне свои страницы, что склеивать её пришлось до самой ночи. Это произошло очень внезапно.

Всё время, пока я чинила несчастную, она продолжала жаловаться на скатерть Улама, как будто именно поведение по-

следней приводит к упадку всю домашнюю утварь и кухонную братию.

Интересно, почему Поваренную Книгу так раздосадовало то, что какая-то незнакомая скатерть живёт ненадлежащей жизнью? Почему кого-то вообще волнует, как живёт кто-то другой? Вот ведь тайна.

Но что, если чужой образ мышления всё же заденет меня за ниточки, сшивающие страницы самообладания? Не знаю. Если это всё же случится, то главное – не забыть, что, развалившись, я точно буду выглядеть не слишком-то красиво.

Подарки на Солнцеворот

В день Солнцеворота я подарила Чернильному Человеку двенадцать пряников-звёзд, звёздочки-дольки шоколада, крохотные карамельки и сахарную пудру. Мы всё ещё не разговаривали, и поэтому пришлось написать записку: «если будет лень подниматься на чердак». Теперь у него есть небо, и Млечный путь с молоком будет сладок.

Иноземному Учёному от меня достались: ловец снов с кристалликами и пёрышками, а ещё большая тёплая грелка. Думаю, теперь его сны будут светлыми, и оставаясь в одиночестве, он не будет мёрзнуть у себя в маяке.

Девочка с Большим Шарфом получила калейдоскоп и сборник цитат об упрямстве. Чтобы радоваться тому, как причудливо могут складываться одни и те же стёклышки, если упорно вращать их.

Поваренная Книга приняла из моих рук охапку чистых листов, чтобы её жизнь продолжалась в развитии, а не простом повторении уже сказанного.

Говорят, мы дарим другим то, чего не хватает нам. Какая чушь!

Бритва в подарок

А вот Иноземный Учёный не умел выбирать подарки.

– Что бы ты хотела получить в честь Солнцеворота? – спросил он Девочку с Большим Шарфом.

– Бритву Оккама, – ответила она, разглядывая море с высоты его окна.

– Это решительно невозможно, – слабо запротестовал Иноземный Учёный, – Бритва Оккама – это принцип, а не реальный предмет! Он гласит, что множить сущности без надобности не стоит. Извини. Зато я могу подарить тебе Звёздного Архитектора. Хочешь?

Девочка с Большим Шарфом Медленно отвернулась от окна. Глаза ее горели праведным возмущением.

– Звёздного Архитектора решительно не существует! Это на сколько допущений нужно пойти, чтобы просто предположить, хотя бы на секундочку, что он есть! Для начала...

Иноземный Учёный довольно улыбнулся – аргументы Девочки с Большим Шарфом были блестящими, как клинок на солнце. Иногда мы получаем желаемое не совсем так, как планировали.

Трава за забором

В середине середины зимы Чернильный Человек и Иноземный Учёный поехали в город на электричке. Иноземный Учёный делал записи в дневнике, пряча подбородок в ворота своей странной расшитой бисером одежды, а Чернильный Человек читал. В вагоне мёрзла тишина.

«Я склонен полагать, – написал Иноземный Учёный, – что человек, сидящий напротив, – из известных мне, единственный, кому свойственно делать точные предсказания относительно течения своей и не только жизни. Безусловный пессимизм позволяет ему подготавливаться к худшему, и таким образом всегда добиваться лучших результатов. Я бы так не смог».

«Холодно. – подумал меж тем Чернильный Человек, не отрываясь от книги, – Заболею. Знал ведь, что так будет. Обидно. Но надевать те неудобно-колючие шерстяные носки так не хотелось!».

Умение мыслить в правильном направлении не всегда защищает нас от неприятностей.

Всё проще, чем кажется

– Вы пишете картины, чтобы выразить свои чувства? – спросил Демон Максвелла Чернильного Человека на зимнем семинаре искусств пару лет назад.

– Нет, – ответил Чернильный Человек, со скучающим видом изучая муть на дне своей кофейной чашки.

– Тогда, быть может, чтобы изменить мир? Направить человечество на верный путь, указав людям на их недостатки?

Чернильный Человек покачал головой и перевернул чашку с остатками кофе на блюдце. Ему явно было не интересно.

– Но тогда почему вы творите? Что сподвигает вас к этому? – Демон Максвелла почти что сгорал от любопытства (что в случае с демонами было весьма пожароопасно). Другие критики, восхищённые студенты и просто праздношатающиеся опасливо подошли поближе, чтобы услышать ответ Истинного Гения своего времени.

– Чтобы наблюдать за угасанием своего таланта, каждым мазком вновь и вновь демонстрируя себе, что я уже не могу написать ничего лучшего, чем было в прошлом, – вздохнул Чернильный человек, – а ещё я рисую потому, что не рисовать мне скучно.

Кажется, уроки Иноземного Учёного наконец пошли ему впрок.

Рецепт

Запись, сделанная на полях Поваренной Книги моим почерком:

«Некоторые люди похожи на лимонный сок: пара капель в чёрный чай – и всё сразу становится гораздо яснее. Однако – и кислее тоже».

Об идеальном (Девочка с Большим Шарфом)

– Что ты делаешь? – спросил Чернильный Человек Девочку с Большим Шарфом. Та усиленно поливала белую от утоптанного снега садовую дорожку разбавленной в бидоне зелёной краской.

– Я прочла у Гегеля, что наше лето – это только выкрашенная в зелёный цвет зима, – ответила Девочка с Большим Шарфом, неуверенно разглядывая лужу перед собой, – но результат меня пока что не вполне удовлетворяет.

– Можно попробовать поступить как в книжке про Страну Оз, – предположил Чернильный Человек, – у меня где-то были зелёные стекляшки и старые очки. Я мог бы собрать для тебя зимоисправляющий агрегат.

– Нет, – уверенно сообщила Девочка с Большим Шарфом, поджимая губки, – зелёные очки – это самообман.

– А зелёный снег?

– Это влияние разума на реальность!

Чернильный Человек пожал плечами. Он уважал право Девочки с Большим Шарфом врать самой себе, хотя и полагал, что его предложение куда менее ресурсозатратно.

Дневник Иноземного Учёного (том 4, запись 68)

Из дневниковых записей Иноземного Учёного:

В речи эскимосов одновременно существует 24 слова, служащих, чтобы описать самые разные состояния и формы снега. У саамов для этого используется 41 слово. Полагаю, для наиболее точного выражения своих мыслей, мне стоит придумать не менее десятка окказионализмов, описывающих различные виды одиночества. Это печалит.

Приписка на полях:

В последнем предложении я чувствую странный привкус отсутствия логики. Если тебе претит одиночество, надевай свои унты и отправляйся на прогулку с друзьями, зануда. Если нет – почему бы не насладиться им, проведя время за придумыванием новых слов?

Вывод: мне нравится слово одиноцарственный.

Что делать с усталостью

Самая последняя баночка елового джема была почти готова, и я тяжело опустилась на стул. Всем известно, что это древнее лакомство можно готовить только при свечах, в ночи после Солнцеворота – самые тягучие и холодные, самые длинные. Вот уже вторые сутки я спала лишь несколько часов, ухватив у закутанного в дымку утра мгновения заиндевшей тишины. Вот уже вторые сутки маленькие пузатые сосуды аккуратно наполнялись и перевязывались бечёвкой, чтобы летом напомнить моим друзьям о сладких порах зимних праздников.

– Ты кажешься очень усталой, – прозвучал в пространстве кухни знакомый скрипучий голос. Я подняла лицо.

– Пожалуй. Но совсем скоро я закончу, и всю усталость можно будет просто из себя выпать.

Чернильный Человек постоял рядом, посмотрел на меня, а потом кивнул головой и вышел. Поваренная Книга сочувственно сморщила корешок.

«Выспать» – это как высыпать и проспаться одновременно. Ты опускаешь голову на подушку и закрываешь глаза, а когда спустя долгую-долгую вневременность открываешь их, всё сразу становится как-то до недоумённости легче.

«Интересно, смогу ли я придумать столь же ловкий способ избавляться от неловкости?», – подумала я, глядя в спи-

ну Чернильному Человеку.

Соль нашей ссоры продолжала просыпаться на рану как после тяжёлого сна и мы, как не старались, никак не могли проснуться.

Про нонконформизм

Все знали, что мы с Чернильным Человеком просто обязаны помириться, но никто не интересовался нашим мнением на этот счет.

Мы повздорили где-то между Осенью и Зимой, когда снег уже падает, но листья ещё очень яркие, и сочетания красного и белого пугают и отвлекают: это было контрастное время. С тех самых пор разговаривали мало и неохотно, как будто смущаясь присутствия друг друга.

Перед самым началом Весны я тяжело вздохнула, налила в термос морса и пошла в сад, где под старой ивой, рядом с полной льда чугунной ванной Чернильный Человек неспешно размышлял о том, что совершенно ничего не успевает.

– Извини, – сказала я ему, протягивая парящийся на морозе морс в походном стакане. – Давай снова будем лучшими друзьями. Мне очень грустно из-за того, что я не могу тебе рассказать о всяком и разном.

– Я буду очень рад, – тихо и очень честно сказал Чернильный Человек.

Мы помолчали, довольные тем, что всё так хорошо устроилось.

– Только это... Слушай. Мы можем пока никому не говорить, что мы лучшие друзья? – спросила я, разбивая хруст-

кий лёд тишины.

Чернильный Человек взглядом выразил свое неодобрение, но вслух ничего не сказал.

– Это из-за остальных, – пояснила я. – Они так сильно хотели нас помирить, что если узнают, что мы опять дружим, будут считать, что это их заслуга.

– Значит, ты хотела помириться с самого начала? – с подозрением спросил Чернильный Человек. – И не делала этого потому, что все вокруг этого хотели?

– Давай лучше говорить друг другу красивые слова. Я первая. Нон-кон-фор-мизм.

– Беспринципность, – уронил в снег мой собеседник.

Различные проявления различного

В жутковатом свете алой лампочки Чернильный Человек и Девочка с Большим Шарфом печатали снимки, которые успели отснять за осень и зиму.

– Когда ты проявляешь фотографии, ты являешь миру то, что задумал в момент съёмки, – сказала Девочка с Большим Шарфом тоном размышляющего философа. – Значит ли это, что когда ты рисуешь – проявляешь свои мысли?

Чернильный Человек молча качнул щипцами источник мистического света, и неясные тени нервозно понеслись по замкнутому пространству чердака. Девочка с Большим Шарфом посмотрела на своё отражение в ванночке с водой, оставшейся после промывки.

– Почему ты молчишь? – спросила она немного обиженно.

– Позволяю тебе проявлять инициативу в этом разговоре, – глухомирно ответил Чернильный Человек, который давно научился давать людям право судить о причинах его поступков самостоятельно. Думаю, ему казалось, что это неплохо проявляет их.

Наблюдения Иноземного Учёного (том 9, запись 116)

Из наблюдений Иноземного Учёного о мире:

Явление фотонных сфер зачаровывает меня. Физикам и доморощенным отличникам известно, что свет состоит из фотонов – элементарных частиц без заряда и массы. Вблизи чёрных дыр гравитация очень и очень сильная, сильная настолько, что эти странные штуки, фотоны, вдруг начинают вращаться по орбитам. Кусочки бытия, где это происходит, и называются фотонными сферами.

Если бы я только мог оказаться внутри такой! Ах, эта несбыточная мечта! Ведь если я вдруг попаду внутрь фотонной сферы, то – чисто гипотетически, конечно – смогу взглянуть на свою спину. Серьёзно! Что может быть более загадочным, чем то, что происходит у тебя за спиной? Все знают, что в социуме всё самое интересное случается именно там.

Приписка: Прочёл через несколько часов. Пора сокращать дозы общения с одной юной особой. Она дурно на меня влияет.

Сторона для просмотра

Я играла в шашки сама с собой, пока Чернильный Человек рисовал. Иногда посматривала в его сторону и размышляла над силуэтами, что остаются на акварельной бумаге.

«Думаю, это снежные поля, на которых нет ни единого следа. Прозрачные фигуры двигаются через эти просторы. Они потратили свою телесность на бесполезное и уже не тревожат сугробов», – сказала я мысленно и переставила белую шашку.

«А может быть, это портрет гладкого ночного озера. Тело воды не отражает звёзды, потому что те давным-давно перегорели от усталости?», – выдвинув другое предположение, я повертела в пальцах чёрную шашку.

– Эй, – вслух мой голос прозвучал более решительно и бодро, чем про себя. – Что ты живопишешь сегодня?

– Безднадёжность и пустой трагизм, – прошелестел Чернильный Человек, ополаскивая тонкую кисть.

Как же приятно, когда твои догадки верны! Удовлетворенная его ответом, я начала собирать одинаковые кругляшки в коробку безо всяких обозначений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.